

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

ОДА «ПАМЯТНИК»

ТЮТЧЕВ И БАРОККО

БАЛЛАДНЫЙ СТРАХ
И ФИЛОСОФИЯ СМЕХА

ДОСТОЕВСКИЙ И АНТИЧНОСТЬ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЗМА

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)
П 88

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках конкурса «Пушкинист»*

Ответственный редактор: А. П. Чудаков
Составление: Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев

Вступительная статья, подготовка текста и примечания: Н. И. Николаев

Пумпянский Л. В.

П 88 Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков; Сост.: Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 864 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0092-0

Сборник трудов известного отечественного литературоведа и мыслителя Л. В. Пумпянского (1891–1940) содержит оригинальную концепцию возникновения и развития русской классической литературной традиции, получившей всеобъемлющее воплощение в творчестве А. С. Пушкина. Наряду со статьями, посвященными анализу произведений А. С. Пушкина, в сборнике представлены работы Л. В. Пумпянского, раскрывающие предпушкинские тенденции русского классицизма, и исследования о творчестве Тютчева, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, показывающие определяющее воздействие пушкинского классицизма и пушкинского тематизма на всю последующую историю русской литературы. Не опубликованные ранее материалы составляют более половины объема всей рукописи. Сборник работ Л. В. Пумпянского составлен при участии вдовы ученого Е. М. Иссерлин (1906–1994) и подготовлен Н. И. Николаевым.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев. Составление, 2000
© Н. И. Николаев. Вступительная статья, подготовка текста, примечания, 2000
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Лев Васильевич Пумпянский

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Собрание трудов по истории русской литературы

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян

Подписано в печать 20.06.2000. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. п. л. 69,66. Заказ № 366

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вниманию зарубежных покупателей!

За пределами России и стран СНГ данное издание распространяется только в специальном экспортном исполнении — с **зеленой полосой** под данным текстом. **Распространение издания без зеленой полосы не является законным.**

Право на распространение этого издания за рубежом, кроме издательства «Языки русской культуры» (fax: 095 246-20-20 для M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk).

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Энциклопедия гипотез (<i>вступительная статья</i>)	7	
К истории русского классицизма (1923—1924)	30	651
«Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века (1939)	158	671
Об оде А. Пушкина «Памятник» (1923)	197	679
Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина (1923)	210	689
Поэзия Ф. И. Тютчева (1928)	220	697
Гоголь (1922—1923)	257	706
Стиховая речь Лермонтова (1939)	343	722
Статьи о Тургеневе (1929—1930)	381	729
Романы Тургенева и роман «Накануне» (<i>Историко-литературный очерк</i>)	381	
«Отцы и дети» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	403	
Тургенев-новеллист	427	
Группа «таинственных повестей»	448	
«Дым» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	464	
«Новь» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	482	
Тургенев и Флобер	489	
Достоевский и античность (1922)	506	743
Памяти В. Я. Брюсова (1924)	530	765
О поэзии В. Иванова: мотив гарантий (1925).	538	768
Русская история 1905—1917 гг. в поэзии Блока (1925).	541	771
О «Незнакомке» А. А. Блока (1925)	546	774
Основная ошибка романа «Зависть» (1931).	551	776
Приложение.	558	
Достоевский как трагический поэт (1919).	558	781
Краткий доклад на диспуте о Достоевском (1919).	562	789
Смысл поэзии Пушкина (1919)	564	791
Опыт построения релятивистической действительности по «Ревизору» (1919)	576	806

Петербург Пушкина и Достоевского (1922)	590	811
О «Медном всаднике», о Петербурге, о его символе (1925) . . .	595	821
Лермонтов (1922).	599	824
Примечания	649	
Указатель литературы.	833	
Указатель имен	849	

Энциклопедия гипотез

Научную деятельность Л. В. Пумпянского отличает важная особенность — поразительное теоретическое единство его работ. И если частные наблюдения, содержащиеся в его трудах, настолько органически вошли в обиход отечественного литературоведения, что порой при их упоминании даже и не осознается, кем и когда они были высказаны, то теоретические взгляды Л. В. Пумпянского оказались вне поля зрения истории филологической науки. Более того, не возникало даже необходимости уяснить, что объединяло его работы и на основе каких принципов, и сопрягаются ли вообще выводы его статей о Тургеневе и работ о Ломоносове, исследования о Тютчеве и книги «Достоевский и античность». Между тем в работах Л. В. Пумпянского был выдвинут целый ряд плодотворных предположений и гипотез, касающихся как общего характера литературного развития, так и конкретных историко-литературных проблем. Так, именно Л. В. Пумпянский впервые поставил вопрос о барочном характере русской силлабической поэзии XVII в. Его наблюдения об особенностях эпического стиля Тредиаковского — наличие в тексте «Телемахиды» прямых античных поэтических реминисценций — лишь недавно получили блестящее подтверждение. Подтвердилась и его гипотеза об итальянских связях Кантемира, и его предположение о том, что инвектива Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» должна иметь определенный адресат в современной ему эпохе и т. д. Менее всего следует оценивать эти гипотезы как счастливые находки специалиста по данному вопросу или как результат применения особого метода исследования, характеризующегося редким сочетанием интуитивного постижения исторического процесса и необычайной учености и потому недоступного для подражания. Сама возможность этих предположений предусмотрена теоретическим принципом, нигде явно не сформулированным, но лежащим в основе каждого из исследований Л. В. Пумпянского, идет ли речь о творчестве Пушкина или Джеймса Джойса, Гоголя или Марселя Пруста, Олеши или Томаса Манна. Этот принцип, касающийся общих закономерностей русской и европейских литератур, обозначается понятием «классическая традиция».

Лев Васильевич Пумпянский родился 5 февраля 1891 г. в Вильно¹. Отца, химика по образованию и роду занятий, он лишился в возрасте семи лет. Его мать с малых лет воспитывалась во Франции, а после возвращения в Россию многие годы преподавала французский язык в разных женских учебных заведениях. Французский язык Л. В. Пумпянский усвоил с самого раннего детства и сохранял пристрастие к французской культуре и литературе на протяжении всей своей жизни. После смерти отца они с матерью жили очень скромно. Позднее, еще учась в гимназии, Л. В. Пумпянский начал заниматься репетиторством. Л. В. Пумпянский учился в 1-ой Виленской гимназии имени Александра I, которую окончил в 1910 г. Тогда же сложился гимназический кружок, в который, помимо Пумпянского, входили Лопатто и Кобеко, его сверстники, и несколько более юные братья Бахтины — Николай и Михаил. Поэзия, философия и античность были основными предметами обсуждения в кружке, который собирался зимними вечерами то у Лопатто, то у Пумпянского. Именно в эти годы Н. Бахтин увлекается «Рождением трагедии» Ф. Ницше и трилогией Д. С. Мережковского, а Пумпянский — философией В. Соловьева. Греческий язык к тому времени уже не входил в обязательную программу, однако участники кружка с энтузиазмом изучали его факультативно. К этому виленскому периоду относятся и первые поэтические опыты М. И. Лопатто и Н. М. Бахтина². Несомненно, что и Л. В. Пумпянский подобно своим друзьям тоже тогда писал стихи, хотя никаких упоминаний об этом не сохранилось. Однако вряд ли эти стихи Пумпянского, если судить по тем нескольким случайно сохранившимся образцам его поэтического творчества конца 1910-х — начала 1920-х гг.^{2а}, выходили из круга привычных тем и стихотворных приемов символистской поэзии, чем, собственно говоря, они и отличались от безусловно оригинальных произведений Лопатто и Н. Бахтина, как можно судить даже из того относительно небольшого числа известных нам их поэтических текстов, и это не случайно. Символистская культура, как бы к ней ни относились отдельные члены кружка — Лопатто с известной долей скепсиса, Пумпянский и братья Бахтины с явным предпочтением, — определяла его поэтическую и идейную атмосферу. Быть может, никто из

¹ Эта дата рождения Л. В. Пумпянского дается в соответствии с семейной традицией, отразившейся и в печатном некрологе (Пумпянский Л. В. 1941: 548). В его студенческом деле зафиксирована иная дата — 17 января 1891 г., по старому стилю (ЦГИА СПб, ф. 14, д. 61407).

² Эджертон 1990: 225, 232—234; Бахтин Н. 1963: 2—3.

^{2а} См., например: Кузнецов 1996: 29; Николаев 19976: 118.

членов кружка не оказался более стойким приверженцем символизма, чем Л. В. Пумпянский, несмотря на то что и его символистские воззрения во второй половине 1920-х гг. претерпели известную ревизию. Недаром в 1924—1925 гг. в серии статей, посвященных ведущим представителям символизма, он сформулировал представление о символистской поэтической цивилизации конца XIX—начала XX в. Отзвуки поэтического и критического творчества Вяч. Иванова, Брюсова, Мережковского, Сологуба, Розанова ощущаются в трудах самого Л. В. Пумпянского на протяжении многих лет, и особенно ясно в невеликих работах 1919 г. Так например, все ранние работы Л. В. Пумпянского о Пушкине пронизаны той символистской традицией истолкования пушкинского творчества, о которой Брюсов писал в 1924 г.: «символисты могли привести немало доказательств в защиту своей родословной. набросок „В начале жизни...“ заключает поразительную аналогию с идеями Ницше: противоположение Аполлона и Диониса. „Гимн чуме“ — вполне в духе настроений, господствовавших среди символистов („Все, все, что гибелью грозит...“ и т. д.)»³. Наконец, уже в эти виленские годы, судя по воспоминаниям М. И. Лопатто, Л. В. Пумпянского отличала та необычайная эрудиция, о которой как о наиболее характерной черте его личности говорил и М. М. Бахтин⁴.

22 декабря 1911 г. Л. В. Пумпянский принял в Вильно крещение по православному обряду. Свое отчество он получил по имени восприемника В. А. Новочадова⁵. Василий Алексеевич Новочадов, преподаватель древних языков 1-ой Виленской гимназии, по прозвищу Зевс, окончил Историко-филологический институт в Петербурге. Именно ему Л. В. Пумпянский обязан своим превосходным знанием латинского и греческого языков. Судя по некоторым воспоминаниям, обращение Л. В. Пумпянского в православие явилось результатом преодоления глубокого духовного кризиса.

К этому времени относится и первый нам известный собственно филологический замысел Л. В. Пумпянского — создание словаря русских рифм. С начала 1912 г. он живет уже в Петербурге, откуда и посылает 18 января письмо В. Я. Брюсову с изложением этого замысла:

³ Брюсов 1929: 277.

⁴ Эджертон 1990: 232; Дувакин, Бахтин 1996: 196, 231.

⁵ Имя Л. В. Пумпянского до его изменения в соответствии с обрядом — Лейб Меерович Пумпян (ЦГИА СПб, ф. 14, д. 61407). Фамилия Пумпянский достаточно распространенная. Л. В. Пумпянскому неоднократно приписывались работы искусствоведа Л. Пумпянского, напечатанные в «Аполлоне» и изданиях Пролеткульта.

«М(илостивый) Г(осударь) Валерий Яковлевич, собирая, материалы для составления словаря русских рифм, я беру на себя смелость обратиться к Вам за нижеследующей справкой.

По некоторым фразам сборника „Далекие и близкие“ можно, показалось мне, заключить, что подобным трудом заняты Вы (либо кто иной под Вашим руководством). В этом случае издание моего Словаря (который я к маю надеюсь подготовить к печати), теряет, естественно, всякий смысл, и мне остается, сложив оружие, переслать Вам собранные материалы и некоторые соображения об общем плане Словаря, в надежде быть — хоть немного — полезен Вам. С другой стороны, если мое предположение неверно, мне было бы чрезвычайно желательно представить на Ваше усмотрение основные начала, на которых я строю громоздкое здание Словаря.

В том или ином случае покорнейше прошу не отказать в ответе по прилагаемому адресу {...}»⁶.

Все знаменательно в этом письме и многое предвещает: и универсальность замысла, и его стиховедческий характер, и обращение к мэтру символистской науки о стихе. К сожалению, никаких иных сведений о судьбе этого замысла не имеется. Ответное письмо Брюсова, если оно и было, не сохранилось. Но можно предположить, зная исключительную трудоспособность Л. В. Пумпянского, что значительная часть материалов им уже была собрана.

Осенью 1912 г. Л. В. Пумпянский поступает в Петербургский университет, где занимается на романо-германском отделении историко-филологического факультета. В эти годы он живет частными уроками, посещает лекции в университете, принимает участие в деятельности студенческого романо-германского кружка, чьи заседания проходили под руководством профессора Д. К. Петрова. В 1915 г. Л. В. Пумпянский сделал в кружке два доклада — „Les Misérables“ В. Гюго как центральное произведение французского романтизма и „Le rouge et le noir“ Стендаля⁷. Как не случайно его первая работа о русской литературе посвящена вопросам стиховедения, столь же не случайно его первые исследования по истории западноевропейских литератур оказались связаны с творчеством французских писателей первой половины XIX в. В своих последующих трудах почти во всех случаях историко-литературных сопоставлений, а такие сопоставления являются неременной чертой научного стиля и научного метода Л. В. Пумпянского, он постоянно ссылается на Гюго и Стендаля.

⁶ РГБ, ф. 386, 99, 46.

⁷ Отчет 1915: 188, 235.